УДК 17.022

СОВРЕМЕННОСТЬ И КРИТИКА

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Статья является ответом на критику и подведением итогов дискуссии по поводу публикации автора на тему «Современность и субъективность». Уточняется методология философских исследований современности и предлагается ее формула.

Ключевые понятия:
современность,
субъективность,
гуманитарная методология,
интерпретация,
понимание,
предметность гуманитарного познания.

«Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут».

М.А. Булгаков

1.

Ученый-гуманитарий, особенно работающий в области философии, должен быть слегка мазохистом. Ему должно нравиться, когда его критикуют, и чем острее и аргументированней, тем лучше. Если критикуют, значит, читали и вникли, одно это уже заслуживает искренней благодарности. Для того и фальсификация Поппера-Лакатоса, чтобы по итогам дискуссии в груде замечаний и возражений прозвучали ноты: «Я с вами не согласен, но в каком-то смысле… в данном узком аспекте… где-то иногда кажется… что отчасти… ну, может быть».

Я рад и выражению дружеских чувств А.С. Чупрова, и статье С.В. Борисова, и отклику Г.Л. Тульчинского, и прямоте заведующего кафедрой, профессора Ю.Г. Ершова. Но хотел бы прояснить некоторые моменты.

Вопрос о современности должен быть поставлен не из абстрактно-аналитических соображений, а именно из-за своей конкретной субъективности. И его следует заострять, прежде всего, для нашей страны, слишком долго, больше четырех столетий зажатой самодержавием и крепостничеством и искусственно направляемой волей самодержцев. Надо, в конце концов, понять, что означает для нас человеческая жизнь, и как это – «жить по-человечески».

Современность, как верно подчеркивает Ю.Г. Ершов [2, с. 131], всегда имеет аксиологический характер и означает выбор целей и идеалов, и продолжает далее: «Быть современным – значит, уметь выходить за пределы наличного бытия, предвидя негативные последствия жизни по инерции, в колее сложившихся условий и факторов, выступающих в качестве «непреодолимой силы». Способность человека осознанно определять свое отношение к определенным ценностям и на основе этого выбора выстраивать свою жизненную стратегию, поведение, служит залогом его свободы. Происходит это всегда в определенном контексте места и времени, в результате определенных обстоятельств, создается определенными действующими лицами» [2, с. 133]. И это по меньшей мере означает, что современность по происхождению субъективна, а исследование

современности – это исследование субъективности.

Предметно же субъективность существует на индивидном уровне и безусловно связана с моральным самоопределением, мировоззренческим выбором и т.д. И в этом нет никакой подмены тезиса, как Ю.Г. Ершов опасается, это – одно предметное поле, содержащее целую сеть взаимосвязанных проблем: зацепишься за одну, а она тянет за собою все остальные. Ю.Г. Ершов полагает, что исследовании индивидного уровня невозможно, и «поэтому необходим переход на уровень рассмотрения типа сообщества, культур и субкультур, захваченных проблемой Современности и требующих интеграции в единое целое» [2, с. 134]. Но ведь исследование конкретной культуры или субкультуры – тоже индивидный для них уровень, да еще и оставляющий открытым вопрос, как они вообще образуются. Не является ли то, что мы привычно называем «культурой», всего лишь мистификацией? Не зря же у нее тысячи разноречивых дефиниций, еще больше, чем А.С. Чупров насчитал для современности. А ответить на этот вопрос без обращения к человечески-индивидному качеству невозможно, потому что культура возникает в ходе взаимодействия именно человеческих индивидов и существует только в их сознании, за пределами которого, в объективной реальности природы, даже великие живописные полотна не более чем холсты, измазанные краской.

И современность, и субъективность гуманитарны по существу и ставят перед нами задачу изучения сущности самого такого познания и возможности гуманитарных наук в сегодняшней России: гуманитарны ли они на самом деле и что это означает для науки, быть гуманитарной?

Прежде всего, стоит заметить, что современность все-таки вне субъективного времени, и уж тем более вне времени природных процессов. И хотя осознание временности своего существования имеет к ней какое-то отношение, но это осознание тоже вне времени, оно скорее понимание ограниченности своей жизни внешними условиями. И поэтому «моя» встроенность в современность осуществляется не столько через осознание себя во времени, как полагает С.В. Борисов [1, с. 124], сколько через осознание себя в пространстве. Современность, думаю, родственна средневековым взглядам на мгновение и вечность.

Она, конечно, имеет отношение к развитию, куда ее стремится вывести и Ю.Г. Ершов, но лишь потому, что скрывает в себе потенциал изменения пространственных отношений и этим рождает время, всякий раз – разное. Современность напрямую показывает, что время – это динамичность пространства, оно возникает и существует в этой динамичности и само, в свою очередь, пространство создает.

Если изучение современности обращает нас к субъективности, пусть к социальной, на какой акцентирует внимание Ю.Г. Ершов, то оно обязано относиться к философской или научной гуманитаристике уже по той причине, что субъективность в естественнонаучном смысле не объективна, чувственно-эмпирически не дана, математически не просчитываема, естественнонаучному эксперименту недоступна и, например, физике или химии неподвластна. Как же можно ее изучать?

А.С. Чупров полагает, что методология, положенная в основу моего представления о современности, – это «постмодернизм вкупе с рудиментами экзистенциализма» [5, с. 129]. Ну, есть много разных постмодернизмов и экзистенциализмов, и я не вижу в них ничего плохого или устаревшего и уже давно в нашей стране «преодоленного», скорее, мы только начинаем созревать до таких концепций.

Он продолжает далее: «Редко встретишь работу, где бы одному и тому же понятию было бы дано столь много и столь разноплановых дефиниций. Я насчитал не менее двадцати таких определений» [5, с. 129]. И резюмирует: «Как говорили классики, богатство явления обусловливает богатство его определений. Здесь же все с точностью до наоборот: богатство определений призвано обогатить явление» [5, с. 130]. Тем не менее явление это – явление сущности; проявлением какой сущности выступает современность? Вероятно, проявлением прошлого, итогом и концентратом предыдущего развития? Это опять возвращает нас к вопросу о времени, об истории и историзме, к которым современность имеет малое отношение.

Не стоит применять классического Гегеля и советскую диалектико-материалистическую логику к предметности, для какой они не разрабатывались. У них в основе классический историзм, который, (при всех отечественных разработках понятия «конкретно-исторического) остается способом изучения предмета как продукта его исто-

рии. Средствами такого историзма вопрос о современности не может быть даже поставлен, ее нет, есть «явление прошлого в новых условиях», своеобразное позднее Просвещение XVIII и начала XIX века в условиях века двадцать первого.

Причем я не утверждаю, что классический историзм ошибочен и от него надо отказаться, ни в коем случае. Я думаю, что он всего лишь методологически непригоден для исследования современности в ее самостоятельном существе и всего того, что из нее следует. Любой методологический подход работоспособен лишь для своей проблематики и предметности. Применять к современности историзм означает искать причины ее появления и внутренние механизмы ее завершения. Как будто ее когда-то вообще не было и потом опять не будет. Размышления по поводу методологической значимости классического историзма, к счастью, уже идут [3, с. 163].

Потому-то я и замечал в обсуждаемых «Очерках», что в СССР современности не было, а за его пределами она вполне была, да и в самом СССР ее не было только в рамках идеологически выстроенного организма. А там, где реальное общество жило не по искусственно внедренным законам историко-материалистической теории, а за ними, современность вполне существовала. Она была в человеческой проблематике, обусловливавшей теневую экономику, политику, андеграунд в литературе и искусстве, она существовала в оценочной сети, обусловливавшей моральную легитимность фактической частной собственности на средства производства и структур госпредприятий, предназначенных для их функционирования в поле теневой экономики, например снабженческих, и т.д. Она-то и вынуждала официальные органы СССР смотреть сквозь пальцы на шалости народа и госпредприятий и за один и тот же поступок в одном регионе давать звание Героя Социалистического Труда, а в другом (для примера) отдавать под суд.

Если для современности и пригоден какой-то историзм, то лишь историзм дисконтинуитета М. Фуко, и то отчасти, так как современность не имеет разрыва в пространстве или с прошлым. Поскольку современность возникает в живой Я-субъективности, а не в абстрактной, а ей неотъемлемо присуща воля, то она хочет – устраивает разрывы, а хочет – устанавливает связи. Она попросту не считается ни с разрывами, ни с прошлым как с непреложными предписаниями, и в начале XX века из одного материала экономики, политики, культуры и социальных отношений Российской империи пробует сделать и еще более прочное самодержавие, и конституционную монархию, и буржуазно-демократическую республику, и советский социализм. А после смерти Л.И. Брежнева уже СССР, когда наконец современность начинает проникать и в официальный организм Советского Союза, он пробует и еще более отделиться от мира, и открыть для него свое пространство.

В связи с множеством определений, Г.Л. Тульчинский верно замечает: «У современности много характеристик, претендующих на определение ее специфики: постмодерн, постиндустриальное информационное общество, общество массового потребления, проектно-сетевой социум… З. Бауман сравнивал современность с жидкой средой… Ф. Фукуяма еще недавно говорил о конце истории, а теперь пишет о постчеловеческом будущем… И все характеристики применимы. Но не дают некоего целостного представления. … Это серьезный вызов философии»[4, с. 116].

2.

Однако вопрос о классическом историзме и методологии современности прозвучал и требует какого-то разъяснения.

Методология обусловливается проблематикой и предметной областью, для каких она разрабатывается и сама их определяет. Отсюда, в частности, и запрет на расширительное и произвольное применение методов. Проблематика же гуманитарного познания по преимуществу состоит в позитивной констатации фактов и в их ценностно-смысловой интерпретации. Что же до предметности, то она в гуманитарном познании совсем не такая, как в естественнонаучном. Если, скажем, в физике исследование заканчивается получением новой информации, то в гуманитаристике оно с этого только начинается, потому что за констатацией факта следует его *интерпретация и понимание.* Так, мало, собрав множество свидетельств очевидцев и архивных материалов узнать, что взятие Зимнего Дворца в октябре 1917 г. было малозначащим эпизодом городского бунта в Петрограде и совсем не имело того символического значения, какое ему позднее приписывалось. Мало знать, что «пакт Молотова-Риббен-

тропа» – правда, но еще и важно понять, *для кого и что все это означает.*

Естественнонаучная предметность двуслойна, она состоит из информации и ее интерпретации средствами теорий, только после интерпретации и образуются «факт» и «знание». У нее имеется объективно-реальное содержание, которое продолжает существовать независимо ни от наличия или отсутствия интерпретации, ни от ее правильности-ошибочности. Гуманитарный же предмет трехслоен. Сама по себе информация физического значения почти не имеет и является не более чем знаком, или символом, самым поверхностным слоем. За ним начинается область культурно-исторических значений, нуждающихся в герменевтической интерпретации и отвечающих, что этот символ означает для того или иного социокультурного субъекта: группы, слоя, класса и т.д. Здесь тоже функционируют теории, появляются гуманитарный факт и знание. И именно здесь, через анализ предпосылок становится возможным подключение историзма, *только через предпосылки, которые в значительной степени подбираются субъектом исследования, а не через объективную предопределенность*.

Но даже после теоретической интерпретации гуманитарные факты еще не понятны, не имеют личностного смысла, а их понимание требует еще одной интерпретации – осмысления, редукции полученного факта к экзистенциальному опыту исследователя. Без осмысления гуманитарный факт был и остается по-человечески непонятным, а значит, и прагматически бессмысленным. Предмет гуманитарной науки по существу не объективен, а субъективен.

Исторически сложилось, что гуманитарные исследования опираются на научную традицию и культурный контекст. Упрощенно говоря, на основе научного творчества какого-либо великого предшественника складывается и легитимируется базовая теория, а все последователи попросту проводят свои исследования, стараясь удерживаться в ее рамках. Они рефлексируют эту теорию, постепенно доводя до уровня отточенных методологических схем, и распространяют на новую предметность, доказывая ее применимость для все более широкого круга случаев и обосновывая ее проблематику как всеобщую.

Если это так, то какая традиция, какая базовая теория может лежать в основе гуманитарных исследований в России в конце XX – начале XXI века, на что может опираться сегодняшний исследователь? Очевидно, у него остается два варианта: это, упрощенно говоря, традиции российской науки и науки Запада.

Что представляет собою традиция российской науки? – Тривиально, что это марксизм-ленинизм, даже не марксизм в смысле XIX века, а тем более самого К. Маркса. Это философия и методологическая база, вполне постпозитивистски ставшая в 20-е гг. XX в. программой социального строительства в нашей стране. На его основе были созданы и политические, и экономические институты, и развернуты в характерную систему практик и общественных отношений. Он лежал в основе целенаправленного конструирования социальной структуры, даже принудительная коллективизация в конце 20-х и 30-е гг., даже всем известный механизм репрессий и ГУЛАГ были развернуты не из-за природной «злобности» большевиков, а с целью ликвидации политико-экономической основы досоветских и несоветских социальных отношений. А что до последствий, то какую они могут играть роль для теории и практики, где человек – не более чем «рабочая сила», пусть даже это главный элемент производительных сил, необходимых для строительства социалистического государства. «Лес рубят – щепки летят», крепостничество всегда было самым «эффективным менеджментом», правда и «производительность» у него невелика.

«Советский марксизм» напрямую или косвенно стал источником системы ценностей общественной культуры: трудового и воинского героизма, коллективизма, социального равенства и т.п. И все это явилось причиной, по которой именно он оказался в основе всей социальной и гуманитарной науки. Даже такие великие фигуры, как М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, М.К. Мамардашвили и др., были вынуждены либо сами вносить «советско-марксистские» коррективы в свои концепции, либо их последователи интерпретировали эти концепции под соответствующим углом.

«Советский марксизм» – безусловно, большое явление. Но он появился во второй половине XIX – начале XX века, и продуцируемая им практика оказалась практикой столетней давности (с ее главными ценностями государственного и национального строительства). Его диалектико-материалистическая философия прекрасно работает как методология классического

естествознания, но для гуманитарной науки просто непригодна, там даже сознание «материально по происхождению и содержанию», и только по способу существования даже не духовно, а абстрактно-идеально. Там любая попытка рассмотреть индивидуальность в контексте самобытности конкретного человека квалифицируется как изначально порочный «буржуазный индивидуализм», а таких понятий, как «дух», «душа», «Я», без которых непредставимы ни свобода, ни творчество человека, ни его обязательность, ни выбор, просто нет. Там мораль – только абстрактное содержание марксистской этической теории, а реальная нравственность существует помимо нее. Здесь не может быть поставлена проблема современности как самостоятельного качества человеческого бытия.

Сова Минервы все-таки в вечерние сумерки тоже вылетает. Наша страна поставила ценности государственного и национального строительства во главу угла и целенаправленно приступила к их практическому воплощению в условиях, когда уже начался всемирный процесс практической интернационализации. Но главное не в этом, главное в том, что «советский марксизм», став идеологией и системой целей практического управления страной, врос в самое тело Советского Союза и им воспроизводился, а с распадом СССР, с во многом спровоцированной самим «советским марксизмом» революцией 1991 года, он автоматически потерял легитимность для большинства ученых. У него, я думаю, есть перспектива, но теперь ему предстоит стать одной из многих научных традиций в ряду других, где каждая, в том числе и «советский марксизм», не сможет задавать тон всей науке и окажется нуждающейся в дальнейшем и очень глубоком развитии и переработке, в «ревизии», так сказать, если пользоваться его же терминологией.

Сфера влияния «советского марксизма» сократилась в десятки раз. Он разрабатывался как философия революции, неизбежной как действие закона природы, и утверждал, что в недрах любого общественного строя лежат причины, непременно ведущие его к гибели. И он был по-своему прав, но помимо революционного преобразования общества существует еще и длительный период, когда оно не преобразуется, а просто стабильно функционирует, и если историзм хорошо работает с развитием, то функционирование он не может анализировать иначе, кроме как ориентируя его на революционный процесс. Убрать историзм нельзя, это значит столь же искусственно прекратить социальное творчество и преобразования, его надо развивать, но его надо и дополнять альтернативными подходами.

Так являются ли сторонники альтернативных подходов априорно не учеными, как это считалось в годы СССР? – Нет, не обязательно, они просто разрабатывают проблематику и предметность, упущенные «советским марксизмом», а эта область – огромна. Какая же методология им остается? Досоветские научные и философские взгляды России? К сожалению, они не сложились в традиции и были пресечены или подчинены «советскому марксизму». Органично вошли в ткань западных научных традиций П. Сорокин, И. Бодуэн, А. Кожев (Кожевников), А. Койре (Койранский), отчасти П. Милюков и Н. Бердяев и др., и к нам возвращаются именно с Запада.

Что касается самих западных научных традиций, которые мы уже веками с удовольствием изучаем, *то предмет гуманитарного познания – субъективность человека – находится в контексте создаваемой ею субъективности культуры. Методология разрабатывается для своей предметной области, и для каждого случая расширительного использования или перенос*а ее применимость должна доказываться. Западная философия и наука сложились в условиях западной культуры и эффективны для нее. Применимость же таких теорий к новой предметности, к позднесоветской и нынешней российской культуре, думается, на сегодня обоснована неудовлетворительно. К нашим условиям западные теории не адаптированы потому, что все предыдущие десятилетия либо изучались апологетически, либо отвергались с порога. Прямое же применение их методологии и неизбежно следующей из нее практики приводит именно к тем искажениям в общественной жизни, из-за которых и либерализм, и прагматизм, и креационизм, и индивидуализм, и мн. др. в России вместо предмета научной полемики неожиданно стали простыми ругательствами.

Что же остается сегодняшнему гуманитарию в России? Ему остается *распад традиционных советских коммуникаций, социальных отношений, делегитимация советских ценностей и нелегитимность западных,* то есть, персонификация (думаю, этот термин корректней атомизации) индивидов, в том числе и самого российского

гуманитария. И остается практическое *отсутствие* самостоятельных российских научных традиций хоть немного связанных с практикой общественной жизни.

И это значит, что ему приходится возвращаться к единственному, что продолжает существовать, – к собственному экзистенциальному опыту смыслотворчества и смыслопереживания, и к кружащемуся вокруг него огромному рою неинтерпретированной символики. Г.Л. Тульчинский очень верно назвал целый раздел своей интересной статьи «Субъективность и запрос на трансцендентное» [4, с. 119]. И опираясь на эти две точки, на неинтерпретированную символику чувственно или умозрительно воспринимаемой общественной жизни и культуры и на экзистенциальный смысл человека, приходится разрабатывать то, что не было сделано в XX веке, – оригинальные российские индивидуалистические, экзистенциалистские, феноменологические, герменевтические, постмодернистские и пр. позиции, и не просто разрабатывать, но и хоть в малой степени вводить их в ткань современной российской культуры. И лишь тогда, в полемическом диалоге с обломками досоветской науки, с остаточным «советским марксизмом» и с западными взглядами, можно надеяться, что с течением времени из этой полемики вырастет группа новых российских философий, научных теорий и методологических подходов и традиций.

Задача моих статей про современность лишь в том, чтобы спровоцировать наш интеллектуальный поворот именно в этом направлении.

Современность – безусловно, оценочная координатная сеть, иначе она не может играть ту роль, какую справедливо отводит ей и Ю.Г. Ершов: помочь человеку осознанно определять свое отношение к ценностям, вырабатывать жизненную стратегию и т.д. И она, как я убежден, по происхождению восходит к каждому человеческому индивиду, находящемуся вместе с другими в определенном пространстве, именно человеку решать, что для него современно, а что – нет. Непрерывные «вбросы» в оценочную сеть множества индивидуальных «энергий» и делают современность чрезвычайно гибкой, динамичной, а то и зыбкой.

Но ведь полагать в пределе, что современен только «Я», а все остальные – несовременны, было бы сумасшествием. *Современность является интегрированной сетью, возникающей в ходе взаимодействия множества индивидуальных оценок.* Такая сеть объективирована и, возникнув, закрепляется формальными коммуникациями. На основе коммуникаций складываются институты, занятые регулировкой этой сети. У институтов и коммуникаций – своя судьба, но в моменты их массовой легитимности они тоже, как и индивиды, относятся к пространству современности.

Поэтому ***общая «формула» современности включает в себя «Я», проблемы, связь в смысле экзистенциального диалога и формальных коммуникаций, оценочную координатную сеть, легитимную институцию и легитимную же социокультурную субъективность.*** Это – ее положительное определение, а «несовременность» выступает лишь негативным определением, методологически необходимым только для начала разговора о ней.

3.

Ю.Г. Ершов указывает: «Вне и помимо глубинной связи с историей, с единством ее цикличности и поступательного хода, проблемы современности просто не существует. Ведь возникновение эпохи Модерна, соответственно – идеи современности – неразрывно связано с формированием идеи прогресса, а в научном плане – с концептуализацией категории развития и с разработкой различного рода эволюционных теорий» [2, с. 133].

И тут я бы не согласился, на мой взгляд, здесь – подмена тезиса, вызванная терминологическими причинами. Я пишу о современности в смысле «контемпоральности», и думаю, что соотнесенность Модерна с контемпоральностью – очень неразработанная у нас область. В моменты зарождения любая эпоха, будь то Модерн, будь то Средние века, ставят вопрос о своей контемпоральности с преодолеваемой эпохой. Но в случае победы и утверждения эпохи, эта проблема оказывается решенной, и Модерн после выполнения своей программы буржуазных революций, национального самоопределения и политического оформления наций становится современностью лишь по названию. А проблема контемпоральности созревает в нем как альтернатива Модерну, теряющему легитимность. По отношению к истории современность – альтернативна и внеисторична, история для нее не более

чем «прошлое» как материальная основа, вроде биллиардного стола, по которому мечутся шары, а будущее – неопределенность грядущего, выражаемая быстро меняющимися тенденциями.

Ю.Г. Ершов верно отмечает мое стремление придать «определяющую роль в конструировании современности опыту индивидуального человеческого самобытия, отличающегося способностью к рационально-методологической рефлексии» [2, с. 133–134], и указывает, что «апелляция к рациональности сталкивается с общеизвестным аргументом о различном культурно-историческом содержании рациональности» [2, с. 134]. В свою очередь замечу, что, если не считать самых абстрактных размышлений о рациональности, раскрывающих ее метафизическую сущность, то в практике она имеет не только различное содержание, но и форму, та ее онтология, о которой вообще мы можем говорить, – социально-практическая. Поэтому, верно, «современное общественное развитие катаклизмами последних лет рушит один незыблемый стандарт рациональности за другим. Рациональность норм и институтов, рациональность индивидуального поведения, надежность государственных органов и доверие к экспертам сплошь и рядом обнаруживают свою несостоятельность» [2, с. 134]. Верно, но это еще ничего для современности не означает.

Рациональность – социальный стандарт общественной жизни людей, закрепленный в формальных коммуникациях и институтах, и в их экспектациях, нацеленных на индивидов. С рациональностью связаны нормы, методы, технологии, традиции, эталоны, значимые фигуры и символы, всё то, что побуждает индивидов к «социально-нормальному» мышлению, поведению и действию. Источник же этого стандарта скрыт в индивидуальных разумах людей, в их способности в своем полилоге интегрироваться, создавать этот стандарт и усваивать его.

Живой же человеческий разум не только рационален, но и вне-рационален, поскольку скрывает в себе интуицию, «Я», свободу, творчество, ответственность, обязательность, выбор, возможность интенции и т.д. Индивидуальным же источником рациональности, скрытым в живом частном разуме, на мой взгляд, является способность к *о-сознанию человеком своей внеположенности* по отношению к осознаваемому, к дистанцированности от осознаваемого предмета и в конечном счете к тому «отделению» от природы, от культуры, от цивилизации, от Другого, что и рождает как разум, так и рациональность. Осознание и скрывает упомянутую выше возможность «индивидуальной рационально-методологической рефлексии». Современность же – качество не столько рациональности, сколько разума, отсюда и неотрывная от нее проблемность, и цикл легитимации-делегитимации, и стремление к интеграции с другими разумными людьми. Как говорил древний мудрец, любовь и вражда правят миром.

……*

А что до стилистических разногласий [2, с. 135–136], то будланутому бокру хотелось бы заметить глокой куздре, что эта замечательная фраза была придумана Л.В. Щербой как демонстрация устойчивости грамматики по отношению к лексике, т.е. в нашем контексте – устойчивости формы, сравнительно с содержанием, рациональности с разумом, и социальных стандартов с современностью. Отдельный разговор о традиции и современности действительно необходим.

И эта фраза может использоваться как иллюстрация способности языка создавать свои собственные смыслы. Всем известно, что куздра тощая, колючая и очень ехидная, а бокр – эдакий наивный и добродушный увалень. И она его – будланула!..

Ю.Г. Ершов проделывает незамысловатую операцию подмены термина, и я ему очень благодарен, он за меня выполнил мою работу, содержательно расшифровав «субъективность» и «современность». Я не сделал этого же в предыдущих статьях исключительно из-за ограниченности места и подписываюсь под обоими его примерами. И свобода, и творчество – качества именно человеческого «Я», а следовательно, и его субъективности, и его разума, и его современности. Значит, сказанное о современности распространяется и на них. Вот если бы Ю.Г. Ершов попробовал заменить современность на что-нибудь внекультурное, например на «электрон», или на что-нибудь, абсолютно лишенное субъективности, например на «рабство», «диктатуру», «рутину», «архетип», «бессознательное», или на что-нибудь нейтральное (например, «ассимиляция», «цивилизация», «традиция»)! Фразы, типа «каждый субъект

традиционен сам по себе», «бессознателен самому себе», «раб самому себе», или «ассимилируется с самим собой», получаются тоже неплохо, но загадочной глубиной «живой» мысли уже не притягивают.

1. Борисов, С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») [Текст] / С.В. Борисов // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123–126.

2. Ершов, Ю.Г. Современность как проблема [Текст] / Ю.Г. Ершов // Социум и власть. 2013. № 5. С. 131–136.

3. Ларин, Ю.В. Проблемы культурологического образования [Текст] / Ю.В. Ларин // Культура и глобальные вызовы мирового развития: V Международные Лихачевские научные чтения, 19–20 мая 2005 г. СПб.: 2005. С. 162–163.

4. Тульчинский, Г.Л. Современность и субъективность [Текст] / Г.Л. Тульчинский // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116–122.

5. Чупров, А.С. Современность постмодерниста, или «Некуда бежать» [Текст] / А.С. Чупров // Социум и власть. 2013. № 2. С. 129–131.

1. Borisov, S.V. Chto znachit byt' sovremennym (v kontekste stat'i A.V. Pavlova «Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti») [Tekst] / S.V. Borisov // Socium i vlast'. 2013. № 3. S. 123–126 (Russian).

2. Ershov, Ju.G. Sovremennost' kak problema [Tekst] / Ju.G. Ershov // Socium i vlast'. 2013. № 5. S. 131–136 (Russian).

3. Larin, Ju.V. Problemy kul'turologicheskogo obrazovanija [Tekst] / Ju.V. Larin // Kul'tura i global'nye vyzovy mirovogo razvitija: V Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija, 19–20 maja 2005 g. SPb.: 2005. S. 162-163 (Russian).

4. Tul'chinskij, G.L. Sovremennost' i sub#ektivnost' [Tekst] / G.L. Tul'chinskij // Socium i vlast'. 2013. № 3. S. 116–122 (Russian).

5. Chuprov, A.S. Sovremennost' postmodernista, ili «nekuda bezhat'» [Tekst] / A.S. Chuprov // Socium i vlast'. 2013. № 2. S. 129–131 (Russian).

UDC 17.022

MODERN TIMES AND CRITICISM

Pavlov Alexander Valentinovich,
Tyumen State University, Professor of the Chair of Philosophy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The article is the answer to the criticism and summarizes the results of the discussion of the author's publication "Modern times and subjectivity". The author specifies the methodology of philosophical researches of modern times and he suggests its formula.

Key concepts:
Modern times, subjectivity, humanitarian methodology, interpretation, understanding, humanitarian cognition.